

История вещи: фрейм-аналитическая перспектива биографического подхода к материальности

УЛЬЯНА С. СЕМОВСКИХ

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0009-0000-5831-3390

ДАМИР Р. ДАВЛЕТОВ

Московская высшая школа социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация

ORCID: 0009-0009-8883-028X

Рекомендация для цитирования:
Семовских У. С., Давлетов Д. Р.
(2024) История вещи: фрейм-аналитическая перспектива биографического подхода к материальности. *Социология власти*, 36 (4): 135-160
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-135-160>

For citation:
Semovskikh U. S., Davletov D. R.
(2024) The Story of a Thing: A Frame-Analytic Perspective on a Biographical Approach to Materiality. *Sociology of Power*, 36 (4): 135-160
<https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-4-135-160>

Поступила в редакцию: 04.08.2024;
прошла рецензирование:
10.11.2024; принята в печать:
03.12.2024
Received: 04.08.2024; Revised:
10.11.2024; Accepted: 03.12.2024

© 2024 by the authors.
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Статья посвящена применению фрейм-аналитического подхода для описания биографии материальных объектов, главными предшественниками которой исходно являются классическая антропология и археология. Основная цель статьи заключается в интеграции социологической оптики в изучение истории вещей. Для достижения этой цели как инструмент концептуального перевода используется фрейм-анализ, опирающийся на синтез ключевых посылок существующих подходов. Статья состоит из двух частей. Основная часть представлена обзором биографических теорий в смежных с социологией дисциплинах. Среди их недостатков можно выделить антропоморфизацию биографии вещи, что ведет к линейности и стремлению установить начало и конец «жизни» вещи. Тогда как вещь может иметь «разные единовременные жизни» без конкретных дат. К тому же в представленных подходах обмен оказывается главным способом наделения объекта смыслом, хотя он не является единственно возможным. Указывается, что концепция маршрутов (itineraries) объекта является более удачной альтернативой. Также в первой части формулируется эпистемический горизонт фрейм-аналитической биографии материального. Единицей анализа истории вещи — ее биографическим событи-

ем — выступает трансформация фрейма социальной ситуации, задающей изучаемым объектом. Во второй части концептуальные положения иллюстрируются историями «жизни» нескольких телефонных будок: транспозиция в городскую точку доступа Wi-Fi, рефрейминг в рабочий офис, транспонирование в сложный объект на научной конференции. Утверждается, что теория фреймов располагает релевантным для объяснения изменения биографии понятийным аппаратом, который учитывает реляционность смыслообразования, качества вещи *per se* и дисперсную — в противоположность линейной — природу этих изменений.

Ключевые слова: биография вещи/объекта, фрейм-анализ, транспонирование, транспозиция, рефрейминг, телефонная будка

The Story of a Thing: A Frame-Analytic Perspective on a Biographical Approach to Materiality

Ulyana S. Semovskikh

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0000-5831-3390

Damir R. Davletov

Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation

ORCID: 0009-0009-8883-028X

The article focuses on the integration of a frame-analytic approach into the research field of the biography of material objects, whose main representatives were originally situated in classical anthropology and archaeology. The main aim of the article is the introduction of a sociological perspective to the study of the history of things. To achieve this goal, frame analysis is used as a tool of conceptual translation, based on a synthesis of key assumptions of existing approaches. The article is divided into two parts. The primary part undertakes a review of existing biographical concepts in disciplines related to sociology. Among their shortcomings is the anthropomorphizing of the biography of an object, which leads to linearity and the desire to establish the beginning and end of its 'life'. We argue that a thing can have 'a number of different simultaneous lives' without specific dates. In addition, in the presented approaches, exchange appears to be the primary means of endowing an object with meaning, although it is not the only possible way. In contrast, we highlight the concept of 'itineraries of an object' as a preferable alternative. The first part of the work also formulates the epistemic horizon of a frame-analytical biography of the material. The unit of analyzing the history of a thing — its biographical event — is the transformation of the frame of the social situation given by the object under study. In the second part of the paper, the conceptual points are illustrated by the 'life' stories of several telephone booths: their transposition into a city Wi-Fi hotspot, their reframing into a work office, and their transposition into a complex facility at a scientific conference. It is argued that frame theory has a conceptual apparatus

relevant for explaining changes in biography, which considers the relationality of meaning-making, the qualities of a thing *per se*, and the dispersed (as opposed to linear) nature of these changes.

Keywords: biography of things/objects, frame-analysis, transposition, transposition, reframing, telephone booth

Введение

История, или биография вещи — это сфера междисциплинарных изысканий, в которой представлены работы, по-разному концептуализирующие и исследующие жизни материальных объектов, трансформацию их практических значений, бифуркацию смыслов и пространственно-временную мобильность. Ключевыми доменами биографических исследований материальности являются классическая антропология [Kopytoff 1986; Appadurai 1986; Hoskins 1998; Thomas 2009] и, несколько позднее, археология [Holtorf 1998, 2002; Domanska 2006; Burström 2014], между которыми с неизбежностью возникают пересечения [Alberti 2005]. Задачей настоящей работы в самом общем ключе является интеграция специфически социологической оптики в изучение истории вещи; причем такой, которая резонировала бы с уже существующими подходами и в некоторой степени аккумулировала бы их основные интуиции. В рамках предпринимаемой здесь «нулевой» попытки экспликации социологической модели биографии вещи основным инструментом концептуального перевода выступает теория фреймов.

В первой части текста мы сосредоточимся на теоретических аспектах того, что с рядом последующих оговорок можно назвать биографией вещи. Сначала нами будет представлен обзор существующих концепций в смежных с социологией дисциплинах, охватывающих феномен биографического исследования материальных объектов. Мы укажем на преимущества и ограничения некоторых подходов, выделив основания для переноса их в социологический локус. Затем в качестве в некотором смысле синтетического подхода нами будет предложена концепция биографии вещи, основу которой составит фрейм-анализ Ирвинга Гофмана и соответствующие теоретические импликации Виктора Вахштайна¹. В нашем понимании трансформация фрейма — это ключевой маркер динамичности биографии вещи, который, не умаляя значимости самого объекта, тем не менее проявляется только в определенном отношении между ним и актором. Набор таких трансформаций и будет складываться в биографию, или, по-другому, маршрут вещи, подробнее о котором

1 Признан Минюстом РФ иноагентом.

будет сказано далее. Во второй части работы мы представим иллюстрации к выдвигаемым теоретическим пропозициям на примере историй нескольких телефонных будок.

Жизнь вещи в теоретической перспективе

В наиболее структурированном виде «жизнь», или история вещи теоретизируется в рамках археологии и антропологии¹. Пожалуй, основным различием между двумя подходами является, с одной стороны, фокус археологических исследований на объектах *per se* и, с другой стороны, особое акцентирование антропологами значимости отношения между вещью и человеком. Как правило, археологический подход рассматривает материальность как «конститутивную и активную», оставляя за отношениями людей и объектов только роль изменения последних [Meskell 2021]. Археологические подходы «пытаются заставить немые объекты “говорить”, помещая их в исторический контекст, связывая их с письменными источниками, такими как дневники, инвентарные описи магазинов, торговые записи и так далее» [Harding 2016: 6–7, ptr.]. «Жизнь» объекта не тождественна простой сумме тех событий и контекстов, в которые он был помещен, она буквально атрибутируется артефакту или древнему сооружению *post factum*, только после его обнаружения — находки [Holtorf 2002: 55–56]. Систематическое археологическое описание вещи — определение ее возраста, материала или роли — это взгляд в прошлое из позиции настоящего, которое задает не только точку, но и условия отсчета (например, доступные инструменты). Важным здесь становится, например, исследование продолжительности использования (*use-life*) объекта через изучение особенностей его «износа» (*use-wear*), его длительности и функционала вещи [York 2002; см.: Gosden & Marshall 1999: 169]. Отмечая и до некоторой степени разделяя пресуппозиционную *автономию объекта* в археологическом исследовании, мы, естественно, не можем позволить себе оставить человеческих акторов на периферии. Биографический подход в антропологии, отдающий приоритет отношениям между человеком и вещью, кажется более резонирующей с социологией альтернативой.

Оригинальная идея биографии вещи представлена в классическом для данного направления тексте Копытоффа [1986] как, в сущности, гомологичная биографии человека. Вещь, как и человек, рождается,

1 Любопытными примерами также могут служить биографии научных объектов (от вполне материальных до концептуальных) [Daston 2000] или филологические исследования «это-нарративов» (*it-narratives*) [Douglas 1993; Blackwell 2007] — литературного феномена выстраивания повествования посредством акцентирования роли предмета.

когда ее создают, живет, принимая разные «роли» (sageer), умирает, когда «достигает итога своей полезности» [Kopytoff 1986: 66–67, ptr.]. Биография вещи рассматривается здесь как история приобретения ею культурных значений, ее «классификация и переклассификация по культурно созданным категориям» в результате обмена [Kopytoff 1986: 68, ptr.]. Жизнь вещи состоит из последовательных процессов ее «товаризации» (commoditization) и, наоборот, становления уникальной (singularity) сакральной единицей. «По мере того как человек делает их [вещи] более уникальными и достойными коллекционирования, он делает их ценными; а если они ценны, они приобретают цену и становятся товаром, и их уникальность в этой степени ослабевает» [Kopytoff 1986: 81, ptr.].¹ Обменные процессы признаются одним из основных механизмов аккумуляции смыслов и ценности и в работе другого классика направления Аппадурай [1986]. «Ценность, заключенная в товаре, который подлежит обмену» и накопление этой ценности составляют вновь сравниваемую с человеческой «социальную жизнь» вещи [Appadurai 1986: 3, ptr.]. В числе таких смыслообразующих обменных практик называются, например, бартер и дарение. Последнее во многом отстраняется от сугубо экономической логики, вдохновляясь классической идеей дара как проводника прежде всего социальных отношений [Mauss 2002].

139

Биографический подход к исследованию истории вещи в его классической трактовке, представленной выше, не является в полной мере адекватным для поставленной в настоящей работе задаче. Хотя мы и признаем примат отношения вещи и человека в вопросе репрезентации актуального значения первой, мы все же вынуждены озвучить несколько концептуальных замечаний. Во-первых, в основании биографической метафоры заложена идея антропоморфизации материальных объектов. Создаваемая по образцу биографии человека история вещи линейна; предполагается, что жизнь материального объекта подчинена логике нарратива, где с «возрастом» одна стадия (значение) сменяется другой. Такое понимание сталкивается с разнообразной критикой² [Joy 2009; Joyce & Gillespie 2015; Bauer 2019]. «Жизнь объекта не обязательно следует линейному

- 1 Уникальные и субъективно ценные вещи являются предметом выбивающегося из общей логики исследования Хоскинс [1998]: «биографические объекты разделяют с нами нашу жизнь, и, если они постепенно разрушаются и тускнеют с годами, мы узнаем свое собственное старение в зеркале этих личных вещей» [Hoskins 1998: 8, ptr.]. Биографическими объектами здесь называются те субъективно значимые для человека вещи, через ассоциацию с которыми он конструирует свою, вполне человеческую, биографию.
- 2 Нарративный подход к биографии человека также подвергается критике [см.: Мещеркина 2002].

паттерну»; вещь может иметь набор значений, «разные единовременные жизни» [Joy 2009: 543, ptr.]. Историческим биографическим подходом не учитывается множественная реляционность объекта, который может в один и тот же момент быть включенным в ассамбляж отношений, сочетающихся друг с другом произвольно. Так, реквизит на балансе театра буквально играет различные роли и поэтому включен в различные отношения. Более того, в биографической метафоре, предполагающей, что вещь «рождается» и «умирает», не учитываются сложности в установлении конкретной стартовой и конечной точки истории вещи. «Не всегда ясно, где начинается и где кончается жизнь объекта» [Bauer 2019: 338, ptr.]. Нам далеко не всегда доступно знание о том, где, когда и кем была произведена вещь, и в какой момент уже можно сказать о том, что она «умерла». Во-вторых, обмен как процесс наделения материального объекта смыслом и ценностью, который рассматривается в таком ключе в большинстве биографических исследований [Joy 2009: 544], — это только один из множества механизмов реляционного смыслообразования, и далеко не единственный. Очевидной альтернативой служат, к примеру, ритуальные объекты, обретающие сакральное значение в процессе церемониального перформанса [Gosden & Marshall 1999: 175; см.: Дюркгейм 2018], или семантически и даже прагматически непрозрачные арт-объекты, значение которых определяется в спорадическом взаимодействии *in situ* [Степанцов 2017]. Значение вещи репрезентируется различными — не только обменными — отношениями с людьми. Таким образом, оригинальная — суть антропологическая — концепция биографии, делая важный акцент на *реляционности вещи*, тем не менее не предоставляет ресурсов для исследования истории объекта во всем ее многообразии — она линейна, тогда как «роли» вещи дискретны и дисперсны.

Более «инклюзивным» ответом биографическому подходу является концепция маршрутов (*itineraries*) объекта. Она предполагает, что исследуемая история вещи «состоит из серии связанных прыжков, в которых объект становится живым в рамках кластеров социальных отношений и неактивным в других точках пространства и времени» [Joy 2009: 544, ptr.]. Материальный объект здесь находится в движении и, попадая в разные социальные контексты, приобретает различные значения — маршруты или траектории. Такая, как мы обозначили ее выше, дисперсия значений позволяет отказаться от рассмотрения биографии вещи во всей ее полноте и тотальности — от рождения и до смерти объекта; в угоду конкретным исследовательским задачам мы можем «фокусироваться на одном (или нескольких) сегментах маршрута объекта и отстраняться от других» [Bauer 2019: 345, ptr.]. Рассматривая историю вещи как набор траекторий, в своем исследовании мы более не «скованы» четким разделением на прошлое,

настоящее и в некоторых случаях будущее материального объекта; предметом анализа и центральными элементами жизни вещи становятся ее актуальные комплексные переплетения (entanglements) [Joyce & Gillespie 2015: 12; Bauer 2019: 336].

Важным достижением «маршрутизации» истории объекта является, таким образом, отказ от линейности биографии и уделение особого внимания *многообразию настоящих смыслов* вещи в множестве отношений между ней и человеком. Уточнению возможного механизма последнего — процессу трансформации значения вещи — мы в том числе уделяем внимание в этом тексте. Мы полагаем, что фрейм-аналитическая рамка может одновременно сохранить структурную важность и некоторую автономность вещи, заявленную в археологическом подходе, учесть реляционность процесса смыслообразования, подобно биографическому подходу в антропологии, и прояснить механизм актуальных трансформаций значения объекта, на что указывает метафора маршрута. Фрейм-анализ рассматривается как специфически социологическая оптика, которая позволяет «ухватить» биографическую материю вещи, сохраняя при этом основные посылки различных несоциологических подходов.

Материальность во фрейм-анализе

Прежде чем предпринимать какие-либо попытки интеграции фрейм-аналитических положений в поле исследования истории вещей и их биографий, необходимо задаться вопросом относительно того, какое место отводится во фрейм-аналитической рамке самим вещам. Ниже мы кратко осветим концептуализацию материальных объектов в теории фреймов, сопоставляя это с основными интуициями археологического и антропологического подходов, выведенными в конце предыдущей главы. Затем мы сделаем следующий шаг: определим, *какие именно* вещи в таком понимании могут быть исследованы биографически.

Материальность во фрейм-анализе не сугубо инструментальна, она включена во фрейм на двух связанных уровнях: как «элемент ситуации, но в то же время как “помощник” в определении ситуации, вещи — это фреймирующие вещи» [Cress 2015: 384, ptr.]. Другими словами, присутствуя в процессе разворачивания социальной ситуации, вещи также способствуют перформативному «приспособливанию» акторов к этой ситуации [Гофман 2003: 320]. Такое наличествование материальных объектов во фрейме как «структурном контексте повседневного взаимодействия» [Вахштайн 2022: 152] указывает и на границы фрейма (здание театра отделяет фрейм театрального представления от окружающего мира), и на его перформативность (шахматные

фигуры задействуются во фрейме игры в шахматы). Фреймом, таким образом, обладает ситуация социального взаимодействия, в которой в том числе есть место отношению человека с вещью — оно является одним из элементов фрейма. Здесь мы находим первое пересечение фрейм-аналитической рамки с биографическим и траекторным подходами исследования истории вещей, заявленными выше, а именно *реляционная логика значения вещи*. Взаимодействие актора с материальным объектом в контексте определенной социальной ситуации репрезентирует ситуативный смысл вещи.

Особый акцент на вещах как «участниках» социальной ситуации делается, например, Вахштайном [2006, 2013, 2022] и Крессом [2015]. Вахштайн утверждает, что объекты не только используются в социальных взаимодействиях, но в некоторой степени определяют их или участвуют в них [Вахштайн 2013: 21]. Это становится возможным, поскольку у всякого объекта есть набор аффордансов, задающий пределы допустимого, *потенциального* использования вещи, и инскрипций — *нормативных* взаимодействий с вещью [Вахштайн 2013: 22]. Тогда как любое отношение с объектом суть ситуативно, эти наборы возможных и ожидаемых отношений с вещью обладают «собственной историей в “большом” обществе» [Вахштайн 2006: 14]. В некотором смысле каждый объект «имеет длящуюся *биографию*, то есть какую-то прослеживаемую жизнь до и после определенного события» [Гофман 2006: 102] (курсив наш. — Авт.). Проще говоря, установки относительно того, что можно и нужно делать с вещью — ее значения, — ограничивают и предоставляют возможности для каждого последующего контекстуального взаимодействия. В этом видится внимание фрейм-анализа к самой вещи, которую мы, однако, пока не можем назвать биографической. Кресс в своем исследовании фрейма литургии заходит дальше, постулируя важность вещи как физической единицы (ее размера, веса, текстуры, формы). «Физическая природа объектов указывает наблюдателям на диапазон и ограничения в интеракции с ними и той роли, которую они могут играть в конкретной ситуации» [Cress 2015: 385]. У вещей есть как культурные, так и *физические* предзаданные сценарии использования [Cress 2015: 392]. Учет последних в определенной степени роднит фрейм-анализ с исходно археологическими пассажами об *автономии вещи* и важности ее собственных качеств в историческом и культурном контекстах. Так, к примеру, Ингольд [2007] рассматривает истории вещей как непрерывно трансформирующееся со-бытие свойств тех материалов, которые эти вещи конституируют. Переживаемые человеком в опыте, а потому реляционные, а не детерминированные, они «проявляются» (occur) в вещах: качества пчелиного воска позволяют создать из него и других материалов и свечи, и краску [Ingold 2007: 7].

Наконец, трансформации фреймов, подробнее о которых будет сказано позднее, как пишет Гофман, имеют свойство наслаиваться друг на друга, создавая многоуровневую комплексность контекстуальных «переключений» [Гофман 2003: 141]. Такое свойство присуще не только транспонированию, про которое писал Гофман, но и другим механизмам трансформации фрейма — рефреймингу и транспозиции [Вахштайн 2022: 202]. Более того, трансформации фреймов контекстуально переплетаются между собой и влияют на то, в каком значении считаются акторами включенные в актуальный фрейм вещи. Таким образом, посредством фрейм-анализа можно в описательном виде представить ту самую дисперсию смыслов вещей, на которой настаивает подход, берущий за основу концепцию маршрутов материальных объектов.

Говорить о фрейм-аналитических объяснительных ресурсах в контексте исследования истории вещи становится возможным после соотнесения фрейм-аналитической концептуализации материальности с выделенными ранее предпосылками археологического и антропологического изучения вещей. Теорией фреймов учитывается важность собственных ограничений и структурных возможностей вещи, которые проявляются исключительно во взаимодействии между вещью и актором в более широком фрейме социальной ситуации. Фрейм, в свою очередь, подвержен множеству траекторий трансформации. Установив это, необходимо прояснить, какие именно вещи во фрейм-анализе могут быть изучены биографически и какие механизмы изменения «карьер» вещи становятся здесь доступными.

143

Фрейм-аналитическая биография вещи

Даже если предположить, что абсолютно любая вещь потенциально подлежит биографическому исследованию, то это не значит, что оно возможно именно *во фрейм-аналитической оптике*. Причем этот факт не стоит расценивать как очевидный недостаток теоретической рамки, поскольку уместно говорить о «разнообразии пониманий того, что значит для объекта иметь биографию, и множестве биографических подходов к пониманию вещи» [Gosden & Marshall 1999: 176, ptr.]. В наши задачи не входит разработка универсального подхода — мы предложим наиболее консистентное определение биографической вещи в рамках фрейм-анализа и те механизмы ее изменения, которые должны стать предметом исследования такой истории вещи.

Материальные объекты во фрейм-анализе, как уже было сказано ранее, включены во фрейм, но, по крайней мере в классической версии теории, не определяют его. Для семейного ужина, вероятно, нужен стол, однако одного стола никогда не будет достаточно для

семейного ужина. Более того, на практике можно даже обойтись без стола, или использовать, например, стол для учебы или работы. Вещи в такой трактовке часто не являются ключевыми элементами фрейма и тем более взаимодействие с ними не может иметь собственный, независимый от параллельных аспектов ситуации, фрейм. Мы же, напомним, пытаемся продемонстрировать, что именно механизмы трансформации *фрейма* являются теми маркерами поворотных моментов в истории вещи, которые следует изучать биографически. Проще говоря, чтобы говорить о трансформациях фрейма вещи, нужно сначала узнать, может ли взаимодействие с вещью обладать *автономным фреймом*, который способен к трансформации. Мы полагаем, что такой класс вещей существует.

Действительно, за большинством вещей во фрейм-анализе не может быть закреплён фрейм; они, наряду с другими вещами и актёрами, включены в общий фрейм, но не конституируют его в одиночку. Но есть ли среди вещей те, которые сами по себе способны организовать фрейм, то есть определённую социальную ситуацию? Вахштайн, размышляя об игрушках, выделяет три класса вещей, действовавших во фрейме ситуации: обстановка (*setting*), оснастка (*equipment*) и актёр (*actant*) [Вахштайн 2013: 28–29]. Обстановка — это среда для фрейма, оснастка используется актёрами во фреймированном взаимодействии, а актёр участвует во взаимодействии на правах партнёра [Вахштайн 2013: 28–29]. В одном из этих трёх модусов объект, как правило, и представлен в контексте социальной ситуации. В первом случае мы имеем дело с вещами, которые задают границы фрейма, во втором — с опосредующими фрейм вещами, в третьем — с объектами, делающими социальное взаимодействие возможным¹. Здесь мы предлагаем сделать ещё один шаг вперёд, предположив, что вещь, которая отвечает всем трем классам *одновременно*, окажется достаточной для реализации автономной социальной ситуации и, соответственно, будет иметь фрейм. Что это может быть за вещь? Телефонная будка, выставленная в библиотеке Шанинки на конференции «Векторы-2023», отвечала сразу трем «ролям»: она задавала пространственные границы своими стенками и дверью, то есть являлась обстановкой, предоставляла телефонный аппарат и трубку в качестве оснастки и вступала во взаимодействие с человеком посредством голоса диктора, задающего вопросы и принимающего на них ответы. Телефонная будка здесь — вещь, которая

1 Здесь необходимо сделать уточнение. Игрушка-актёр в тексте Вахштайна выступает полноправным партнёром человека, и именно поэтому ситуация взаимодействия может трактоваться как социальная. В повседневной (неигровой) жизни вещи могут считаться актёрами, если они являются необходимым и ключевым условием социального взаимодействия.

полностью обеспечивает фрейм социологического исследования и арт-перформанса¹.

Вещью, подлежащей биографическому исследованию, мы будем считать *материальный объект, который, выполняя роли обстановки, оснастки и актанта, достаточен для обеспечения социальной ситуации, ситуации, которая обладает собственным фреймом*. Теперь, определив вещь и задающийся ею фрейм, мы кратко рассмотрим те процессы трансформации, которые следует отразить в исследовании истории вещи в рамках фрейм-анализа. Одни процессы непосредственно касаются изменений «карьеры» самой вещи, другие скорее относятся к трансформации фрейма.

Собственная биография человека конструируется из актуальной точки отсчета с предзаданной системой релевантностей. В этом плане биография вещи во фрейм-аналитической перспективе основывается на схожем принципе. На первом этапе нас не интересует, как то предлагается линейной моделью биографии, установление события «рождения», или создания вещи — объект нашего исследования находится в некоторой комплексной формации — единстве трех обозначенных выше ролей. И именно из этой точки, мы полагаем, следует раскрывать дисперсию значений и контекстуальных трансформаций вещи. Взятый за точку отсчета комплексный материальный объект может быть контекстуально редуцирован к одному из классов (обстановкой, оснасткой или актантом) или вновь вернуть себе комплексность, но в совершенно другом значении. Уже знакомая нам будка может стать нефункциональной декорацией для театральной постановки, превратившись в предмет обстановки. Вахштайн пишет о том, что объекты могут менять свой класс через механизм транспозиции [Вахштайн 2013: 29] — изменения его инскрипции или, как мы утверждаем, редуцирования его изначальной комплексности. Так, один из двух процессов смыслообразования связан с мобильностью «роли» вещи, то есть внутренней динамикой материального объекта между обстановкой, оснасткой или актантом.

Второй процесс касается изменения структурного контекста взаимодействия, которое обеспечивается биографической вещью — фреймом социальной ситуации. Помимо уже упомянутой транспозиции — изменения сценария взаимодействия с вещью — возможен также рефрейминг — смена одного фрейма на другой или «перекодирование исходного события» [Вахштайн 2022: 185] с *прагматической точки*

1 В схожей, однако не тождественной логике функционируют аффективные атмосферы — словоформа, используемая для описания движущихся локаций (moving geographies) (см., напр., исследование полета на воздушном шаре [McCormack 2008], поездки в общественном транспорте [Bissell 2010]).

зрения (событие социологического эксперимента становится событием театральной постановки). Наконец, транспонированием Гофман называет «систематическую трансформацию субъектов, действия, предметов, уже осмысленных в некоторой схеме интерпретации» только в *семантическом* ключе¹ (звонок по телефону на сцене театра является пародией на себя)². В антропологическом изводе также отмечается способность вещи к «резкой перемене» в биографии [Gosden & Marshall 1999: 176]. Модельным примером такой трансформации выступает отчуждение вещей от их аутентичных культурных значений вследствие музеефикации. Разумеется, трансформации фрейма, как уже было сказано, часто наслаиваются друг на друга, репрезентируя тем самым дисперсию значений.

Вещь, подлежащая биографическому анализу с помощью объяснительных ресурсов теории фреймов, является комплексным объектом, взаимодействие с которым обусловлено фреймом. Изучение биографии поэтому дуально: оно должно охватывать как изменения в «роли» самой вещи, так и трансформации фрейма ситуации. Одно, так или иначе, будет влиять на второе, и наоборот.

146

Основная часть статьи была посвящена освещению исследовательского поля биографии вещи, интеграции в него ряда фрейм-аналитических пропозиций и предложению модели исследования истории вещи в соответствующей теоретической оптике. Концептуальные положения фрейм-анализа, касающиеся положения в нем материальных объектов, показали себя, в сущности, схожими с основными выделенными нами интуициями археологического и антропологического подходов. И там, и там уделяется внимание структурным особенностям вещи, реляционности ее значения, проявляющегося во взаимодействии с человеком, и дисперсности этих значений. Кроме того, нами были представлены определение биографической вещи во фрейм-анализе и концептуализация механизмов мобильности значений вещи. Только комплексная вещь, одновременно заключающая в себе «роли» обстановки, оснастки и актанта, может стать отправной точкой для изучения истории объекта, поскольку она является исчерпывающей для обеспечения собственного фрейма. Трансформации биографии вещи двойственны — они относятся как к самому материальному объекту, так и к его фрейму (транспонирование, рефрейминг, транспозиция). Во второй части работы, с учетом важных замечаний о значимости

1 При этом внешне происходящее может практически никак не меняться.

2 Транспонирование происходит посредством пяти ключей: «выдумка (make-believe), состязание (contest), церемониал (ceremonial), техническая переналадка (technical redoing) и пересадка (regrounding)» — при этом в некоторых ключах выделяются подвиды [Гофман 2003: 109].

самой вещи, нелинейности ее истории и реляционной репрезентации изменений в ее значении, мы рассмотрим телефонную будку как биографический — в оптике фрейм-анализа — объект.

Телефонная будка как биографическая вещь

Стандартная телефонная будка, на наш взгляд, является подходящим модельным примером биографической вещи во фрейм-анализе. Она представляет собой замкнутое пространство: три, чаще стеклянные, стенки и закрывающуюся дверь — обстановку. Внутри будки располагается таксофон, который позволяет за определенную плату совершить звонок, — оснастка. Человек непосредственно взаимодействует с трубкой и номеронабирателем — актантным элементом будки. И, что представляет непосредственный интерес для нас, ее биография не является линейной, так как невозможно всерьез говорить о «рождении» вещи или ее смерти — жизненная траектория будки не завершилась с появлением доступной мобильной связи, хотя значимость ее как средства связи, очевидно, практически сошла на нет. Такие объективные исторические обстоятельства стали триггером для различных трансформаций — дисперсных, наслаивающихся друг на друга маршрутов вещи, которые мы и рассмотрим ниже.

147

Необходимо напомнить, что биографические изменения вещи могут происходить одновременно в двух плоскостях: той, что связана с трансформацией роли самого объекта (транспозиция) и с фреймом социальной ситуации, который им обеспечивается (рефрейминг, транспонирование). Во-первых, изначальное фрейм-триединство (комплексность) такого объекта может быть заменено на доминирование какой-либо одной «роли». Например, телефонная будка с целыми стеклами и функционирующей дверью, но не работающим таксофоном, остается лишь обстановкой для случайных прохожих, ищущих укрытие. И, согласно Вахштайну, такая «внутренняя» трансформация происходит посредством транспозиции [Вахштайн 2013: 29]. Транспозиция — это изменение совокупности доступных сценарных действий (инскрипций), «действий, встроенных в материальный объект» [Вахштайн 2013: 26], в рамках общей совокупности доступных действий с конкретным материальным объектом (аффордансов).

Во-вторых, изменения могут происходить на уровне фрейма в целом, который обеспечен вещью. Это означает, что перемены в значении объекта тождественны трансформациям фрейма. Здесь используется механизм рефрейминга — последовательная смена фреймов одного уровня друг другом. Такая трансформация имеет прагматический характер [Вахштайн 2022: 185], то есть происходит кардинальное изменение одной социальной ситуации на другую как в ее значении, так и во взаимодействии. Например, одна из знаменитых

красных будок в Лондоне была переделана в точку по ремонту телефонов, где теперь постоянно сидит работник, а внутренности будки составляют маленькая столешница и его инструменты¹. Смысл происходящего как для наблюдателя, так и для участника полностью изменился. Второй способ изменения фрейма — транспонирование, «систематическая трансформация субъектов, действия, предметов, уже осмысленных в некоторой схеме интерпретации» [Гофман 2003: 106]. Данную трансформацию стоит рассматривать как семантическую [Вахштайн 2022: 185] — изменяется ее смысл, «тональность», но, в сущности, не сама механика взаимодействия. Обычная телефонная будка может интерпретироваться как место для соприкосновения с поэзией: набрав номер, вы услышите стихотворение².

Телефонная будка как объект исследования

Телефонная будка редко становилась объектом городских, культурологических и исторических исследований³. В статье Волкодаевой и Момот «Малые архитектурные формы как символы городской среды» прослеживается развитие дизайна этой малой архитектурной формы (МАФ) в Великобритании и России с наглядными иллюстрациями. Авторы утверждают, что МАФ может с течением времени утратить свою изначальную функцию, что отнюдь не приводит к утрате практического смысла [Волкодаева, Момот 2014: 7, 10]. В частности, телефонные будки перевоплощаются в банкоматы, арт-объекты, кроссбукинги [Там же: 12]. Далее, дизайн телефонной будки вызывает интерес не только сам по себе, но и как предмет исследования в рамках АСТ [Abildgaard 2019]. Демонстрируется, в частности, как в Копенгагене отказались от традиционной закрытой модели будки в пользу открытости и доступности. В статье Гански показано, как дизайн телефонной будки менялся в ходе пролиферации понимания приватности. Поначалу упор делался на звукоизоляцию и комфорт звонящих, позже к этому добавилась потребность в кондиционировании и очищении воздуха, поскольку будка — это

1 Moss S. Ringing the changes: how Britain's red phone boxes are being given new life // The Guardian. 2019. 27 августа. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2019/aug/27/ringing-the-changes-how-britains-red-phone-boxes-are-being-given-new-life> (дата обращения: 18.02.2024).

2 TelePoem Booth: Where poems replace the dial tone // NAZ Today. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nh2xQWKPKDI&t=77s> (дата обращения: 14.01.2024).

3 Вполне тривиальный поиск по запросам «телефонная будка/phone booth/telephone booth» в Google Scholar выдает крайне мало релевантных материалов. Удивительно, что в системе JSTOR содержится несколько стихотворений о телефонной будке [Flanner 1980; Swander 1992].

тесное и жаркое помещение [Gansky 2013: 137]. Таким образом, в качестве объекта исследования телефонная будка значима с точки зрения собственного дизайна и особенностей инструментального внутреннего устройства. Примерно то же представляет интерес и для нас — однако с другой, биографической, перспективы. Далее мы предложим концептуальное описание множества возможных биографий телефонной будки. Мы начнем с кейсов, которые уже предлагались к рассмотрению в социологических текстах, а затем обратимся к другим примерам транспозиции, рефрейминга и транспонирования, которые может переживать телефонная будка.

Биография телефонной будки

Как частный пример телефонная будка рассматривается Вахштайном [2022] в контексте транспозиционной стратегии трансформации фрейма. Говорится о будках в Одессе, которые остались без телефонного аппарата, а потому реализуют исключительно «функционал полуприватного пространства в пространстве публичном» — случай чистой транспозиции [Вахштайн 2022: 207]. В логике предлагаемого здесь подхода это иллюстрация биографического изменения на внутреннем уровне, где триединство ролей внутри вещи редуцируется к примату одного свойства — обстановки, — без трансформации всего фрейма целиком. В Лондоне же телефонные будки оснастили солнечными батареями и добавили возможность заряжать мобильные устройства [Вахштайн 2022: 207]. Таким образом, у будки появились новые сценарии использования, и некоторые знаменитые красные будки стали «зелеными»¹ (см. рис. 1). Биографическое изменение произошло, но комплексность фрейма при этом сохранилась. Наконец, в Осаке будки переделали в аквариумы (см. рис. 2), что, как отмечает Вахштайн, является совмещением транспозиции и рефрейминга [Вахштайн 2022: 207]. Транспозиция выражается в том, что будка теряет какую-либо самостоятельность для человеческих акторов, поскольку ею попросту более нельзя воспользоваться: ни войти в нее, ни позвонить кому-либо. Теперь она часть фрейма улицы, объект, на который можно лишь смотреть². Рефрейминг же определяется тем, что теперь фрейм телефонной будки смещается к фрейму арт-объекта.

149

- 1 Vicedo A. (2014, October 1). London's Famous Red Phone Booth Goes Green and Solar-Powered // Scientific American. URL: <https://www.scientificamerican.com/article/london-s-famous-red-phone-booth-goes-green-and-solar-powered/> (дата обращения: 14.01.2024).
- 2 Большой аквариум с золотыми рыбками в Осаке // ЭкоБыт.ру. 2012. 3 октября. URL: <https://www.ecoby.ru/article/031012/409/> (дата обращения: 14.01.2024).

Рис. 1. Зеленая будка
в Великобритании.

Fig. 1. Green Phone Booth in the UK.

Рис. 2. Будка-аквариум в Осаке.

Fig. 2. Osaka Aquarium Booth.

Транспозиция телефонной будки

В силу распространения мобильных услуг будки во многом потеряли свою актуальность как средство связи. Тем не менее самый простой и, кажется, не влияющий на фрейм способ изменения инскрипций будки — добавление точки доступа¹. В этом случае будка лишь расширяет множество вариантов ее использования. Предметом особого интереса в этом случае становится способ инсталляции определенного технического и/или функционального дополнения. С одной стороны, в будку может быть встроен соответствующий модуль так, что для внешнего наблюдателя ничего не поменяется. С другой стороны, будки могут и вовсе потерять свои «внутренности», став пустой коробкой или стендом (см. рис. 3) — неутилитарной оболочкой, куда невозможно войти и откуда нельзя позвонить

1 Бауэр И. Старые телефонные будки Шанхая превратят в мини-станции 5G // BitCryptoNews. 2020. 22 мая. URL: <https://bitcryptonews.ru/news/tech/staryie-telefonnyie-budki-shanxaya-prevratyat-v-mini-stanczii-5g> (дата обращения: 14.01.2024).

за отсутствием таксофона¹. В последнем случае мы можем зафиксировать биографическое изменение, поскольку будка теряет свойства обстановки и актанта, принимая единственную роль оснастки. Более того, такая транспозиция влечет за собой и рефрейминг. Самостоятельный фрейм телефонной будки заменяется точкой доступа, большим уличным роутером.

151

Рис. 3. Телефонная будка/точка доступа в Нью-Йорке.

Fig. 3. Phone booth/hotspot in New York City.

Держа в уме эту тонкость, укажем и на то, что к телефонной будке «прикручивают» также зарядку для электромобилей, доступ в интернет непосредственно через встроенный сенсорный экран² и/или другие функции для удобства пожилых горожан³. В каждом из таких случаев можно представить и наличие, и отсутствие рефрейминга. Простой транспозиции, выражающейся в добавлении функционала, недостаточно для обязательного изменения биографии вещи на уровне фрейма.

- 1 Данилов О. В Нью-Йорке старые телефонные будки переделают в точки доступа Wi-Fi // ITC.ua. 2014. 11 мая. URL: <https://itc.ua/blogi/v-nyu-yorke-staryie-telefonnyie-budki-peredelayut-v-tochki-dostupa-wi-fi/> (дата обращения: 14.01.2024).
- 2 Van Allen F. Abandoned phone booths remade into cool new things // CNET. 2016. 14 сентября. URL: <https://www.cnet.com/pictures/abandoned-phone-booths-remade-into-cool-new-things/16/> (дата обращения: 14.01.2024).
- 3 ShanghaiEye魔都眼. Old iconic red phone booths revitalize in Shanghai, upgrade with digital make-over // YouTube. 2023. 25 апреля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yrZ-tpueznY&t=32s> (дата обращения: 14.01.2024).

Рефрейминг телефонной будки

Не всякая транспозиция ведет к рефреймингу, но всякий рефрейминг предполагает транспозицию¹. Здесь следует отдать должное энтузиастам: душевая, туалет, вход в бар, рекламный стенд, галерея, склад, библиотека, дом²; салатный бар, танцевальный клуб³; рабочий офис⁴... И это лишь те трансформации обыкновенной телефонной будки, которые были успешно реализованы. Некоторые случаи рефрейминга показывают, что транспозиция может иметь место без редуцирования комплексности (вещи как обстановки, оснастки и актанта). Например, размещение душевой в телефонной будке потребовало замены таксофона на душ⁵. Можно утверждать, что имели место транспозиция и рефрейминг — изменения на уровне фрейма той ситуации, которая обеспечивается вещью; при этом сама вещь не теряет своей комплексности, продолжая соответствовать трехчастной модели обстановки, оснастки и актанта. Смена ряда инскрипций порой не влечет за собой изменение во внутренней «карьере» объекта. Именно поэтому речь идет о двух уровнях биографического анализа — трансформации фрейма не симметричны редуцированию комплексности вещи.

152

Транспонирование телефонной будки

Наконец, обратимся к последнему из имеющихся во фрейм-анализе виду трансформаций фрейма — транспонированию. Особенность этого типа заключается в том, что «происходящая при переключении систематическая трансформация может лишь слегка изменить внешнюю форму деятельности, зато радикально изменит то, что участники

- 1 Это утверждение допустимо лишь в случае рассмотрения фрейма биографической вещи, поскольку фрейм тесно связан с технологическим устройством объекта; по сути, рефрейминг происходит в его рамках. В обычных условиях рефрейминг этим не ограничен. Студент может переместиться между фреймом аудитории и фреймом библиотеки без транспозиции аудитории или библиотеки.
- 2 Новая жизнь старых телефонных будок // LiveJournal.com. 2017. 23 мая. URL: <https://kontaktzentr124.livejournal.com/55137.html> (дата обращения: 14.01.2024).
- 3 Van Allen F. Abandoned phone booths remade into cool new things // CNET. 2016. 14 сентября. URL: <https://www.cnet.com/pictures/abandoned-phone-booths-remade-into-cool-new-things/16/> (дата обращения: 14.01.2024).
- 4 Garfield L. Some of London's famous red phone booths are being transformed into offices // Business Insider. 2016. 9 мая. URL: <https://www.businessinsider.com/londons-telephone-booths-are-being-transformed-into-offices-2016-5> (дата обращения: 14.01.2024).
- 5 Новая жизнь старых телефонных будок // LiveJournal.com. 2017. 23 мая. URL: <https://kontaktzentr124.livejournal.com/55137.html> (дата обращения: 14.01.2024).

могли бы рассказать о происходящем» [Гофман 2003: 106]. Пока находящийся в транспонированной будке понимает, что происходит нечто другое, случайные наблюдатели видят лишь человека, говорящего по таксофону. Транспонирование имеет семантическую природу.

Проект *TelePoem Booth*¹ представляет собой будку, в которой вместо привычного звонка реализована функция проигрывания записи. Набрав определенный номер, человек слышит стихотворение. Конечно, это потребовало переоборудования будки, то есть транспозиции, но вместо рефрейминга произошло транспонирование, так как деятельность участников не изменилась, а изменился «смысл происходящего» [Гофман 2006: 106]. Еще одним примером транспонирования служит *Telephones of the Wind*². Это телефонная будка, которая была установлена в Японии после разрушительного цунами, унесшего жизни многих людей. Выжившие приходят к ней, чтобы поговорить с родственниками, друзьями, любимыми, которых они потеряли (см. рис. 4). Эта будка, не подключенная к сети, служит своеобразным способом связи с жертвами природной катастрофы. Это очень личный, интимный разговор с прошлым, который инициируется воображением [Гофман 2006: 113]. Здесь транспонирование осуществляется без видимой транспозиции, поскольку будка просто остается неподключенной к сети. Очевидно, функционально такая будка ограничена, однако легко можно представить себе ситуацию, в которой вполне рабочая будка могла бы использоваться в том же ключе.

153

Наконец, обратим внимание на проект «НезаБудка», однозначное определение ключа к которой не представляется возможным (думается, ни один из предложенных Гофманом не подходит). «НезаБудка» — интерактивная инсталляция-социальный эксперимент, реализованный в рамках секции «НеЗабвение: История в публичном поле» научной конференции «Векторы-2023» на базе МВШСЭН (Шанинки)³ (см. рис. 5). Она задумывалась как некоторый оммаж к «Будке гласности»⁴, в которой сочетались бы арт-объект и место проведения «автоматизированного» опроса. Участницы конференции, снимая

- 1 TelePoem Booth: Where poems replace the dial tone // NAZ Today. 2016. 8 April. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Nh2xQWKPKDI&t=77s> (дата обращения: 14.01.2024).
- 2 Telephones of the Wind: Making calls to lost loved ones // CBS Sunday Morning. 2021. 14 November. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4lnK-eV2mx8&t=1s> (дата обращения: 14.01.2024).
- 3 НеЗабвение. История в публичном поле. Секция конференции «Векторы-2023». (б.д.). <https://www.msses.ru/conferences/nezabvenie-istoriya-v-publichnom-pole-2023.php>
- 4 «Будка гласности» — советская и, позже, российская телепрограмма, суть которой заключалась в предоставлении гражданам возможности для свободного высказывания в течение одной минуты в пространстве передвижной будки.

трубку, слышали предварительно надиктованный вопрос, побуждающий к нарративному высказыванию о прошлом: о семейной истории, о знаковых событиях. Ответы записывались на диктофон и сохранялись в форме аудиоартефактов, доступных для последующего изучения. В условиях разворачивающейся конференции фрейм телефонной будки был транспонирован: будка означала самую себя во вторичном, относительно реальной будки на улице, фрейме эксперимента. Более того, то, с чем мы знакомы как с «Незабудкой», на самом деле является реквизитом «Мосфильма», взятым организаторами секции напрокат. Телефонная будка посетила «Векторы» в рамках двухнедельного гастрольного тура, отыграв свою роль и вернувшись в «гримерку» для перевоплощения в следующее амплуа. Жизнь такого материального объекта является транспонированием в себе; однажды извлеченная из уличной рутины, теперь она существует для перевоплощений и определяется ими же — будь то на сцене театра или в библиотеке московской школы. Биографию этой будки, вероятно, можно проследить, имея доступ к спискам ее арендаторов.

154

Рис. 4. Телефоны Ветра.
Fig. 4. Telephones of the Wind.

Приведенные примеры иллюстрируют осмысленность использования фрейм-аналитического подхода для исследования биографий вещей. Суммируя, можно сказать, что никакие виды трансформации не находятся в каузальных отношениях, но могут происходить одновременно, что отражается и на несимметричности изменений между уровнями анализа биографии.

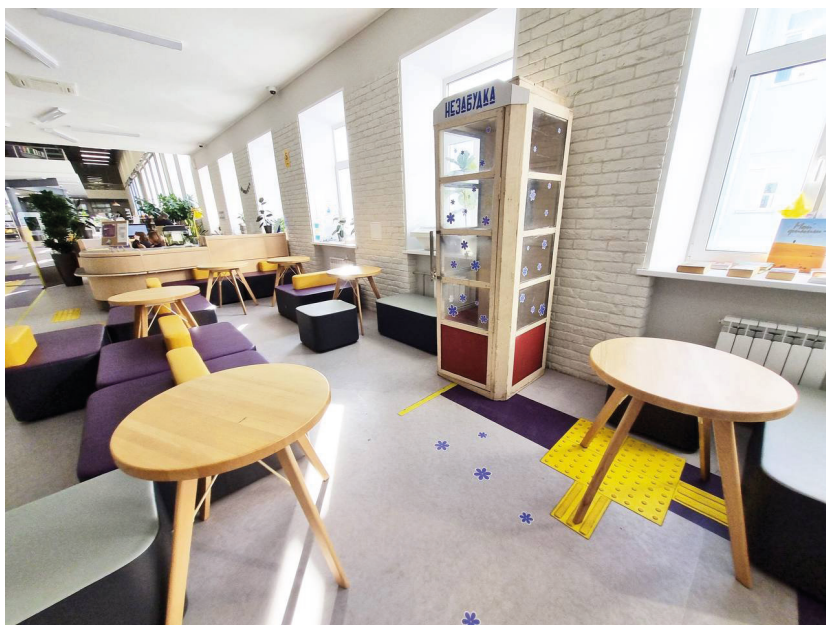

Рис. 5. Проект «Незабудка».

Fig. 5. «NezaBudka» Project.

Заключение

Смещение исследовательского фокуса в сторону материального подразумевает отказ от «слабого» положения объекта как инструмента в пользу более автономной единицы, принимающей полноправное участие в отношениях с человеком. А в предельной позиции, которая занимается в данном тексте, вещь не просто включена во взаимодействие, но и конституирует его — задает собственный фрейм социальной ситуации. Понимаемый таким образом объект был избран в качестве стартовой точки биографического исследования, вдохновленного поиском подходящей для этого сугубо социологической оптики. Фрейм-анализ был предложен в качестве такого социологического языка описания, который непротиворечиво объединяет в себе интуиции существующих биографических подходов: антропологического и археологического.

На базовом уровне номен «биография» применительно к материальным объектам обозначает подход, прослеживающий историю смыслообразований вещи. Различие между оригинальными несоциологическими подходами проходит по континууму иссле-

довательского фокуса «объект-человек». Реперной точкой археологического подхода становится собственная значимость вещи — ее относительная автономия — как находки, актуальное состояние которой «рассказывает» ее историю, или комплексной конфигурации флюидных качеств составляющих ее материалов. В классических для направления антропологических концепциях вещи приобретают смысл и ценность в отношениях с людьми, например, посредством практик обмена. Фрейм-аналитическая рамка позволяет суммировать пресуппозиционные положения обозначенных подходов: реляционная логика атрибуции смысла, автономность, то есть способность объекта к детерминации социальной ситуации, дисперсность биографических значений вещи. Последнее призвано разорвать структурную ассоциацию с биографией человека, которая характеризуется линейностью и интуитивно понятными этапами жизненной истории. В пользу того, что линейное и антропоморфизированное понимание биографии не является вполне релевантным для изучения истории вещи, говорит хотя бы то, что мы не можем установить «время и место смерти» объекта. Ясно, что переделывание телефонной будки в дом/библиотеку/душевую/туалет и так далее, де-актуализирует фрейм *телефонной будки*. Однако приобретение вещью нового значения не аннигилирует предыдущее. Так, к примеру, индексальные коннотации с оригинальным смыслом могут сохраняться на уровне наименований: «A salad bar in a phone booth», «A phone-booth-size library», «The phone booth aquarium»¹. Существуют вещи, «чья жизнь переходит в разные системы понимания и которые совершают серии реинкарнаций» [Joy 2009: 541]. То, что было названо здесь дисперсией, смещает фокус с секвенционального изменения биографии вещи на сеть наслаивающихся друг на друга трансформаций.

Не все объекты, если обращаться к фрейм-анализу, могут быть изучены биографически, но только те, которые способны к самостоятельному обеспечению социальной ситуации и соответствующего ей фрейма. Трансформации таких фреймов выступают основным маркером изменения биографии вещи — единицей биографического анализа материального объекта во фрейм-аналитической оптике. Трансформация наделяет объект «голосом» — новым смыслом, который до некоторой степени организует другую социальную ситуацию или оказывается в нее включенным (в зависимости от типа трансформации). Выше было установлено, что изменения во фрейме, а потому и в биографии комплексного объекта, проис-

1 Van Allen, F. Abandoned phone booths remade into cool new things // CNET. 2016. 14 сентября. URL: <https://www.cnet.com/pictures/abandoned-phone-booths-remade-into-cool-new-things/16/> (дата обращения: 14.01.2024)

ходят на двух уровнях: собственной карьеры вещи (за счет редуцирования трехчастной модели обстановка-оснастка-актант к одному из этих модусов) и трансформации фрейма взаимодействия с вещью (транспонирование, рефрейминг). Каждая из трансформаций была иллюстрирована примерами из случайных историй телефонных будок — модельного кейса фрейм-аналитического биографического объекта. Фрейм-анализ не только предоставляет специфически социологическое исследовательское поле, в которое возможен импорт биографического подхода, но и позволяет концептуализировать биографическое событие, то есть изменение в биографии вещи, через феномен трансформации фрейма.

Целью данной статьи стало первичное и в некотором смысле пробное «интродуцирование» биографии вещи в область социологических исследований посредством теории фреймов. Заданная здесь концептуальная модель отнюдь не претендует на универсальность; она как минимум ограничивает потенциального исследователя в выборе объекта для изучения. Кроме того, иллюстративное повествование, призванное продемонстрировать логику функционирования схемы, хотя и основано на реальных кейсах, не соответствует требованиям полноценного эмпирического исследования. Дальнейшая работа в намеченном здесь направлении предполагала бы подробное изучение более комплексного относительно множественных наслоений трансформаций случая.

157

Библиография / References

Беньямин В. (2012) Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Я. Охонько (ред.), *Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. Сборник статей*, М.: РГГУ: 190–234. EDN: QXCRAВ

— Benjamin W. (2012) The Work of Art in the Age of Its Technological Reproducibility [*The doctrine of similarity. Media aesthetic works. Collection of articles*], М.: RGGU: 190–234. — in Russ.

Вахштайн В. С. (2006) Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории. В. С. Вахштайн (ред.), *Социология вещей. Сборник статей*, М.: Издательский дом «Территория будущего»: 7–39. EDN: TMXXBL

— Vakhshayn V. S. (2006) The Sociology of Things and Material Turn in Social Theory [*The Sociology of Things. Collection of Articles*]. М.: «Territoria budushchego» Press: 7–39. — in Russ.

Вахштайн В. С. (2013) К микросоциологии игрушек: сценарий, аффорданс, транспозиция. *Логос*, 92(2): 3–37. EDN: RVRGZN

— Vakhshayn V. S. (2013) On a Microsociology of Toys: Script, Affordance, Transposition. *Logos*, 92(2): 3–37. — in Russ.

Вахштайн В. С. (2022) *Воображая город. Введение в теорию концептуализации*. М.: Новое литературное обозрение. EDN: HTGZDQ

— Vakhshstayn V. S. (2022) *Imagining the City. Introduction to the Theory of Conceptualization*. М.: New Literature Review. — in Russ.

Волкодаева И. Б., Момот С. И. (2014) Малые архитектурные формы как символы городской среды. *Дизайн и технологии*, 85(43): 5–14. EDN: TIQNSP

— Volkodaeva I. B., Momot S. I. (2014) Small Architectural Forms as Symbols of Urban Environment. *Design and Technology*, 85(43): 5–14. — in Russ.

Гофман И. (2003) *Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта*. М.: Институт социологии РАН. EDN: QOCOAX

— Goffman E. (2003) *Frame analysis: An essay on the organization of experience*. М.: Institute of Sociology of the RAS. — in Russ.

Гофман И. (2006) Закрепление форм деятельности. В. С. Вахштайн (ред.), *Социология вещей. Сборник статей*, М.: Издательский дом «Территория будущего»: 54–117. EDN: TMXXGV

— Goffman E. (2006) The Anchoring of Activity [*The Sociology of Things. Collection of Articles*]. М.: «Territoriia budushchego» Press: 54–117. — in Russ.

Дюркгейм Э. (2018) *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы.

— Durkheim E. (2018) *The Elementary Forms of the Religious Life*. М.: Elementary Forms. — in Russ.

Мещеркина Е. Ю. (2002) Памяти П. Бурдьё. Биографическая иллюзия. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 1(1): 75–84. EDN: QBKJOJ

— Meshcherkina E. U. (2002) In memory of P. Bourdieu. A biographical illusion. *Interaction. Interview. Interpretation*, 1(1): 75–84. — in Russ.

Степанцов П. М. (2017) Семантика и прагматика архитектурного объекта: что может дать витгенштейнианский подход для изучения архитектуры. *Социология власти*, 29(1): 101–121. EDN: YPKVSG

— Stepantsov P. M. (2017) Semantical and pragmatical dimensions of architectural object: Towards Wittgensteinian approach to the architectural studies. *Sociology of Power*, 29(1): 101–121. — in Russ.

Abildgaard M. S. (2019) When Doors Are Removed for Our Own Safety: The Material Semiotics of Telephone Booths. *Design and Culture*, 11(2): 213–236.

Alberti S. J. (2005) Objects and the museum. *Isis*, 96(4): 559–571. <https://doi.org/10.1086/498593>

Appadurai A. (1986) Introduction: commodities and the politics of value. A. Appadurai (ed.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge University Press: 3–63.

Bauer A. A. (2019) Itinerant Objects. *Annual Review of Anthropology*, 48: 335–352. <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-102218-011111>

Blackwell M. (2007) *The secret life of things: Animals, Objects, and It-narratives in Eighteenth-century England*. Bucknell University Press.

- Bissell D. (2010) Passenger mobilities: affective atmospheres and the sociality of public transport. *Environment and Planning D: Society and Space*, 28(2): 270–289. <https://doi.org/10.1068/d3909>
- Burström N. M. (2014) Things in the Eye of the Beholder: A humanistic perspective on archaeological object biographies. *Norwegian Archaeological Review*, 47(1): 65–82. <https://doi.org/10.1080/00293652.2014.909877>
- Crabtree A. (2003) Remarks on the social organisation of space and place. *Homo Oeconomicus*, 19: 591–605.
- Cress T. (2015) Social Situations and the Impact of Things: The Example of Catholic Liturgy. *Nature and Culture*, 10(3), 381–399. <https://doi.org/10.3167/nc.2015.100307>
- Gosden C., Marshall Y. (1999) The cultural biography of objects. *World Archaeology*, 31(2): 169–178. <https://doi.org/10.1080/00438243.1999.9980439>
- Daston L. (Ed.). (2000) *Biographies of Scientific Objects*. University of Chicago Press.
- Domanska E. (2006) The Return to Things. *Archaeologia Polona*, 44: 171–185.
- Douglas A. (1993) Britannia's Rule and the It-Narrator. *Eighteenth-Century Fiction*, 6(1): 65–82. <https://doi.org/10.1353/ecf.1993.0057>
- Flanner H. (1980) Phone Booth Song. *Salmagundi*, 50/51: 29. <http://www.jstor.org/stable/40547390>
- Gansky P. (2013) Privacy's Waste Products: Touch, Contagion and Public Telephone Design. *Journal of Design History*, 27(2): 132–147.
- Harding A. (2016) Introduction: Biographies of Things. *Distant Worlds Journal*, 1(1): 5–10. <https://doi.org/10.11588/dwj.2016.1.30158>
- Holtorf C. J. (1998) The Life-Histories of Megaliths in Mecklenburg-Vorpommern (Germany). *World Archaeology*, 30(1): 23–38. DOI: <http://www.jstor.org/stable/125007>
- Holtorf C. (2002) Notes on the Life History of a Pot Sherd. *Journal of Material Culture*, 7(1): 49–71. <https://doi.org/10.1177/1359183502007001305>
- Hoskins J. (1998) *Biographical Objects: How Things Tell the Stories of People's Lives*. Routledge.
- Ingold T. (2007) Materials against materiality. *Archaeological Dialogues*, 14(1): 1–16. <http://dx.doi.org/10.1017/S1380203807002127>
- Joy J. (2009) Reinvigorating object biography: reproducing the drama of object lives. *World Archaeology*, 41(4): 540–556. <https://doi.org/10.1080/00438240903345530>
- Joyce R. A., Gillespie S. D. (2015) *Things in Motion: Object Itineraries in Anthropological Practice*. Sch. Adv. Res. Press.
- Kopytoff I. (1986) The cultural biography of things: commoditization as process. A. Appadurai (ed.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge University Press: 64–92.
- McCormack D. P. (2008) Engineering affective atmospheres on the moving geographies of the 1897 Andrée expedition. *Cultural Geographies*, 15(4): 413–430. <https://doi.org/10.1177/1474474008094314>
- Mauss M. (2002) *The gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. Routledge.

Meskel L. (2021) *Object worlds in Ancient Egypt: Material Biographies Past and Present*. Routledge.

Swander M. (1992) Amish Phone Booth. *The Kenyon Review*, 14(4): 161-162. <http://www.jstor.org/stable/4336778>

Thomas N. (2009) *Entangled objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific*. Harvard University Press.

York J. (2002) The life cycle of bronze age metalwork from the Thames. *Oxford Journal of Archaeology*, 21(1): 77-92. <https://doi.org/10.1111/1468-0092.00150>

Семовских Ульяна Станиславовна — студентка бакалаврской программы «Современная социальная теория» Московской высшей школы социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: социология науки и технологий, социальная эпистемология, история социологии.

ORCID: 0009-0000-5831-3390. E-mail: semovskikh-us@universitas.ru

Ulyana S. Semovskikh — a student of the undergraduate programme «Contemporary Social Theory» at the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation. Research interests: sociology of science and technology, social epistemology, history of sociology.

ORCID: 0009-0000-5831-3390. E-mail: semovskikh-us@universitas.ru

Давлетов Дамир Равильевич — студент бакалаврской программы «Современная социальная теория» Московской высшей школы социальных и экономических наук, Москва, Российская Федерация. Научные интересы: история социологии.

ORCID: 0009-0009-8883-028X. E-mail: davletov324@outlook.com

Damir R. Davletov — a student of the undergraduate programme «Contemporary Social Theory» at the Moscow Higher School of Social and Economic Sciences, Moscow, Russian Federation. Research interests: history of sociology.

ORCID: 0009-0009-8883-028X. E-mail: davletov324@outlook.com